
ФОРМА 8-Б.
АКТ СОВМЕСТИМОСТИ
Стелла Сталенова
18+

Стелла Сталенова

Форма 8-Б. Акт совместимости

https://litres.ru/74968054
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла коротких романов «Формы отношений».

История на один вечер, которая не отпустит до утра.

Марина приехала на деловой ужин с клиентом, от которого зависит её годовой бонус. Официант принёс меню. Внутри были не блюда.

Внутри была форма.

Согласно ей, Марина и Александр Глебов уже два года — связанные лица.

Она помнит, как два года назад сама оборвала их отношения. Попросила не напоминать. Но оставила себе предупреждение на случай, если снова захочет его увидеть.

Теперь прошлое возвращается в виде документов, которые она когда-то подписала сама. И чем больше она узнаёт, тем труднее понять, что именно произошло между ними и почему она до сих пор не может считать эту историю законченной.

Между ними стол, форма и два года молчания. Но иногда одного прикосновения достаточно, чтобы рухнуло всё, что так тщательно пытались контролировать.

Современный любовный роман с психологической интригой и элементами корпоративной сатиры, где секс — единственный способ нарушить регламент.

Содержание

Глава 1 5
Галочка 5
Глава 2 18
Меню 18
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Форма 8-Б. Акт совместимости

Глава 1

Галочка

Вадим звонил третий раз за сорок минут. Я уже начала прикидывать, что дешевле: разбить телефон или позволить дебиторке по ИП Иванову пережить меня.

ТТК стоял. Не ехал, не полз, а стоял с таким достоинством, будто город решил устроить всем принудительный час самоанализа. Дворники гоняли мелкую октябрьскую морось. В салоне пахло остывшим кофе, мокрой одеждой и моим раздражением.

Телефон завибрировал снова. Я ответила, не глядя на экран.

— Марина, ты где?

У Вадима был голос человека, которому только что сообщили, что деньги на его личном счёте закончились. Хотя, скорее всего, ему сообщили что-нибудь про квартальный отчёт.

— В пробке.

— В какой пробке? У тебя Глебов через два часа.

— В той самой, которая между мной и Глебовым.

— Очень смешно. Форму подтвердила?

Я посмотрела на планшет, закреплённый на панели. Экран всё ещё светился уведомлением.

ФОРМА № 8-Б. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ДЕКЛАРАЦИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

Ниже шёл текст. Длинный, серый, с мелким шрифтом. Такие документы, кажется, специально пишут люди, которые хотят, чтобы ты согласилась, но не знала с чем.

— Какую форму?

— Марин, ну не начинай. Восьмую. Подтверждение декларации. Без неё комплаенс не даст провести встречу.

— Вадим, я в пробке.

— А я в отчёте. У каждого свои проблемы.

— Да, я физически не успею прочитать три страницы мелкого шрифта до встречи, — огрызнулась я, перестраиваясь в правый ряд.

— Ты никогда его не читаешь, Соколова, — его голос в трубке вдруг потерял свою казенную крикливость, став тихим и слишком личным. — Ты всегда подписываешь не глядя, когда хочешь быстрее сбежать. Десять лет назад в Краснодаре ты точно так же подписала заявление об увольнении за час до поезда на Москву. Твоя привычка. Нажми уже эту чёртову кнопку!

Я не ответила. Большой палец замер над экраном. Мне не нравилось, когда Вадим вспоминал тот день. Особенно таким тоном, будто всё, что произошло тогда, до сих пор давало ему право говорить со мной именно так.

— Марина, — повторил он уже обычным голосом. — Кнопка.

Я разблокировала экран. Форму 8-Б я уже видела. Три недели назад, когда запрашивала портфель «Южного потока». Тогда всё заняло минуты две. Несколько стандартных вопросов, длинный текст, одна галочка.

«Личные обстоятельства, влияющие на объективность, отсутствуют».

Я поставила отметку напротив слова «отсутствуют» и перешла к следующему пункту. У меня тогда были дела поважнее: новый портфель, переговоры, план продаж и Вадим, который обещал, что годовой бонус наконец позволит мне перестать жить по принципу «до зарплаты осталось чуть-чуть».

— Ну? — поторопил он.

— Сейчас.

— Марина.

— Сейчас, Вадим.

Я нажала «Подтвердить». Экран мигнул, внизу появилась короткая строка с номером дела. Я не стала её читать.

— Вот теперь нормально, — сказал Вадим. — И не опаздывай. Глебов не из тех, кто ждёт.

— Я знаю.

— Откуда?

Я промолчала.

Откуда я знала, что Александр Глебов не из тех, кто ждёт? Из клиентской карточки. Из писем. Из трёх недель деловой переписки. Из одного короткого пересечения два года назад, которое я давно научилась не считать пересечением.

— Ладно, — сказал Вадим. — Дебиторку по Иванову закрой до конца дня.

— Она не закрывается.

— Значит, закрой так, чтобы закрылась.

Он отключился.

Я положила телефон на пассажирское сиденье и посмотрела в зеркало заднего вида.

Из зеркала на меня смотрела женщина тридцати двух лет, которая неплохо справлялась с чужими проблемами и предпочитала не замечать собственные.

Под деловым платьем было кружево. Четыре платежа по три тысячи семьсот рублей. Я убедила себя, что это инвестиция в уверенность. Вадим называл такое бельё «коммерческим капканом для дураков» и предпочитал простой гладкий хлопок. Когда-то я пыталась объяснить ему, что мне нравится другое. Потом перестала объяснять. Теперь покупала то, что хотела сама.

На светофоре я достала помаду. Вадим отключился, но его последнее «значит, закрой так, чтобы закрылась» всё ещё висело в ушах. Я на секунду замерла, глядя на себя в зерка-

ло, и слишком сильно, до глухой боли, прижала помаду к губам. Рука была твёрдой, но этот короткий, судорожный нажим выдал меня с потрохами.

— Прекрасно, — сказала я своему отражению, убирая тюбик. — Женщина, готовая к большим переговорам.

Печка в машине шпарила на максимуме, высушивая воздух. Шелковый воротник платья внезапно показался слишком тесным и противно врезался в шею. Я с силой сжала руль, заставляя себя сделать один глубокий, тяжёлый выдох.

За окном Москва оставалась серой, мокрой и совершенно равнодушной к моим карьерным перспективам.

Обычный четверг и пробка. Обычный клиент, от которого зависел годовой бонус.

Я почти убедила себя, что всё именно так.

В приглашении, пришедшем из офиса Глебова, была приписка: «Встреча включает стандартную процедуру подтверждения декларации по форме 8-Б».

Утром я прочитала её, хмыкнула и решила, что это очередная комплаенс-формальность. Пять минут, подпись, ужин. Вадим примерно так и объяснил:

«Там ничего сложного. Подтвердишь, что всё актуально, и занимайтесь своими кремами».

Тогда меня устроило.

Теперь, когда я наконец свернула к Даниловской мануфактуре, эта формулировка вспоминалась уже без улыбки.

Ресторан находился в одном из лофтов. Кирпич, стеклян-

ные двери, дорогой ремонт и вывеска без названия — только матовая табличка с номером. Место выглядело так, будто здесь не столько ужинали, сколько принимали решения, после которых кому-то приходилось менять планы на жизнь.

Я припарковалась, проверила телефон и только потом заметила очередь.

Она стояла не на вход.

На выход.

Человек семь или восемь. У кого-то в руках были папки, у кого-то — маленькие бумажные талончики. Никто не выглядел особенно довольным. Лица у всех были такие, с какими обычно выходят из МФЦ: вопрос решён, но осадок остался.

Я обошла очередь и остановилась у двери.

На табличке значилось:

«Выдача заключений о совместимости. Окно № 3. Приём до 21:00».

Я перечитала.

Потом ещё раз.

Заключения о совместимости. В ресторане. Окно номер три.

Внутри было тепло. Из глубины помещения доносилась негромкая музыка, звенели бокалы. Кто-то разговаривал вполголоса. И вдруг совершенно отчётливо прозвучало:

— Следующий.

Я посмотрела на дверь. Потом на табличку. Потом снова на дверь.

Возможно, я не туда приехала. Хотя адрес совпадал.

Я подошла к стойке. Девушка за ней была вежлива так, будто работала в банке, где людям регулярно отказывают, но делают это с безупречной осанкой.

— Добрый вечер, — сказала она. — Ваш талон.

— Я на ужин. К Александру Сергеевичу Глебову.

— Да. Ваш талон.

Она протянула мне маленький бумажный квадратик.

Я взяла его.

— Сорок седьмой.

— Всё верно.

— А остальные сорок шесть где?

— Уже обслуживаются.

Я посмотрела на неё.

— В каком смысле?

— В прямом.

Она улыбнулась. Не мне, а скорее, самой процедуре.

Я опустила глаза на талон.

Там было напечатано моё имя. Полностью: фамилия, имя, отчество. И дата.

Двенадцатое ноября. Два года назад.

Я моргнула. Перевернула талон. Посмотрела снова.

Дата не изменилась.

Двенадцатое ноября. Два года назад.

— Простите, — сказала я. — Здесь ошибка.

Девушка за стойкой посмотрела на талон, затем на меня.

— Уточните, пожалуйста, что именно вы считаете ошибкой.

— Дата. Она не сегодняшняя.

— Дата регистрации дела.

— Какого дела?

— Это вам объяснят в зале.

Я ещё раз посмотрела на талон.

Два года назад. Двенадцатое ноября.

Я попробовала вспомнить, где была в тот день. Прежняя компания. Склад в Химках. Кладовщик, который доказывал мне, что партия кремов не могла исчезнуть, потому что её не было. Кажется, я ещё ругалась с логистами из-за недостающих коробок.

Я точно была не здесь.

И уж точно не стояла в очереди за заключением о совместимости.

С Александром Глебовым меня вообще ничего не связывало. По крайней мере, так я предпочитала формулировать.

Я достала телефон и сфотографировала талон. Не потому, что понимала, зачем это делаю. Просто, когда что-то выглядит как ошибка, первым делом хочется оставить доказательство, что тебе не показалось.

Потом написала Вадиму: «Что за проверка у входа?»

Ответ пришёл почти сразу: «Какая проверка? Закрой дебиторку».

Я медленно выдохнула.

Посмотрела на очередь. На папки. На табличку с окном номер три. На свой талон.

Сорок седьмой.

Александр Глебов ждал внутри.

За три недели я успела понять, что он не любит опозданий. Его письма были короткими, точными, без приветственных абзацев и лишних знаков препинания. Он не спрашивал, как дела, если ему требовалась информация о поставках. И не писал «буду признателен», когда можно было написать «пришлите сегодня».

Я могла развернуться. Позвонить ему, сказать, что возникла какая-то нелепая ситуация. Могла снова набрать Вадима и потребовать объяснений.

Но тогда контракт отправился бы на пересмотр. Бонус — в туман. А дебиторка по ИП Иванову наконец получила бы полное право меня пережить.

Я убрала талон в карман пальто.

— Куда пройти? — спросила я.

Девушка указала на дверь справа.

— Вас проводят.

Внутри шум улицы почти сразу исчез. Тяжёлая дубовая дверь закрылась за спиной, отрезав гул машин и голоса прохожих. В коридоре пахло деревом, воском и чем-то ещё — неуловимо официальным. Так, наверное, пахнут кабинеты, в которых не повышают голос, потому что результат и без того будет неприятным.

Хостес — высокая девушка с прямой спиной и спокойным лицом, проверила моё имя в планшете.

— Марина Владимировна? Александр Сергеевич ожидает вас в каминном зале. Пожалуйста, оставьте верхнюю одежду.

Я сняла пальто. Гардеробщик принял его с таким видом, будто я передавала ему не пальто, а вещественное доказательство.

Шёлковое платье скользнуло по бёдрам. Я машинально поправила ткань на талии и вспомнила, сколько раз убеждала себя, что эта покупка была разумной. Впрочем, сейчас мне не хотелось ничего себе объяснять.

«Это просто ужин, — сказала я себе. — Бизнес. Ритейл. Двести сорок точек. Глебову нужны мои кремы, мне нужны его полки. Всё остальное — декорации».

Я расправила плечи и шагнула за тяжёлую портьеру, отделявшую каминный зал.

Он сидел за угловым столиком, спиной к кирпичной стене.

Я узнала его сразу. Александр Глебов. Тридцать три года. Человек, который мог закрыть месяц моей компании одним коротким «да» в ЭДО.

Он почти не изменился. Те же широкие плечи, та же чёткая линия подбородка, короткая ухоженная щетина. Тёмно-синяя рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу, пиджак на спинке стула. На левом запястье — матовый чёрный Rolex. Я помнила эти часы. Два года назад они казались мне

неприлично дорогими. Теперь, судя по всему, у Александра появились вещи и подороже.

Он поднял глаза. Взгляд у него оказался таким же, как в моей памяти: внимательным, спокойным и немного неудобным. Не потому, что он разглядывал меня. Скорее, потому что ничего не упускал.

На секунду я забыла, что собиралась сказать.

От него пахло древесным табаком и чем-то сухим, терпким. Запах показался знакомым.

Александр поднялся.

— Добрый вечер, Марина.

Он не протянул руку. Просто сделал шаг навстречу — небольшой, почти незаметный. Но расстояние между нами, вдруг стало меньше, чем мне хотелось.

— Рад, что вы доехали. Пробки сегодня особенно безнадёжны.

— Торговые представители не опаздывают, Александр Сергеевич. Они просто заставляют комплаенс немного понервничать.

Я улыбнулась и села на предложенный стул.

Он сел напротив. Между нами стояла свеча. Её пламя чуть дрогнуло, когда официант прошёл где-то за моей спиной.

— Вы сегодня не про маржинальность кремов для рук будете мне рассказывать? — спросил Александр.

— А у меня есть выбор?

Я приподняла бровь. Деловая улыбка держалась безупреч-

но. По крайней мере, снаружи.

Александр посмотрел на часы. Потом расстегнул ремешок и снял их. Положил рядом с собой, на скатерть.

Странный жест. Ничего особенного, но я почему-то следила за его руками дольше, чем следовало.

— Выбор есть всегда, Марина Владимировна.

Он посмотрел на меня.

— Вопрос только в том, готовы ли вы пройти процедуру до того, как принесут горячее.

Я не успела ответить.

Из полумрака появился официант. Молодой парень в безупречном фартуке. Он не принёс воду, не предложил винную карту и не спросил, готовы ли мы сделать заказ.

Вместо этого он положил на стол между мной и Глебовым тяжёлую чёрную кожаную папку.

— Добрый вечер, — произнёс он с той же безукоризненной вежливостью, что и девушка на стойке. — Позвольте ваше меню вечера. Стол номер двенадцать. Форма номер восемь-Б.

Я посмотрела на папку.

На её обложке серебристыми буквами было выбито:

ФОРМА № 8-Б.

Александр не притронулся к папке.

— Откройте, Марина, — сказал он.

— Почему я?

Он впервые за весь вечер отвёл взгляд.

— Потому что это ваша декларация.

Я положила ладонь на папку.

— Какая ещё декларация?

Александр посмотрел на меня.

— Та, в которой вы впервые поставили галочку три недели назад.

Глава 2

Меню

Официант всё ещё стоял рядом. Он явно не собирался исчезать по первому требованию, хотя я уже начинала скучать по обычным ресторанам, где персонал хотя бы делает вид, что не слышит чужих разговоров.

Папка оказалась тяжёлой. Плотная чёрная кожа, аккуратные швы, металлическая застёжка. Такие вещи обычно лежат на столах в местах, где за один ужин можно оставить половину моей месячной зарплаты.

— Откройте, пожалуйста, — повторил Александр.

— Я уже поняла, что сегодня у нас вечер сюрпризов. Хотелось бы хотя бы знать, за что я плачу.

— Марина…

— Что — Марина? Ты можешь объяснить, что происходит?

Он провёл пальцем по краю скатерти. На запястье остался светлый след от часов.

— Я сам пытаюсь разобраться. Мне сообщили только, что требуется очное уточнение декларации. Ни номера архивного дела, ни содержания материалов я не видел.

Это прозвучало неубедительно. Александр вообще не

производил впечатления человека, который часто пытается разобраться. Скорее, он привык получать информацию, принимать решение и двигаться дальше.

Я расстегнула папку.

Внутри лежал лист формата А4 в прозрачном матовом файле. Сверху — логотип, название организации и несколько строк мелким шрифтом:

Департамент торгового аудита и комплаенса.

Экспертное бюро «Вектор».

Стол № 12.

Регистрационный лист формы № 8-Б.

Ниже шло меню.

Я даже сначала не поняла, что именно вижу. Прочитала заголовок, потом первый пункт, потом второй.

МЕНЮ ВЕЧЕРА

1. Знакомство. Устное подтверждение факта и даты первоначального контакта.

2. История контактов. Сопоставление сведений о взаимодействии сторон.

3. Расхождения. Объяснения по выявленным противоречиям.

4. Дополнительные сведения. Сверка документов и личных приложений в пределах установленного доступа.

5. Раскрытие. Регистрация подтверждённых обстоятельств.

6. Оспаривание. Подача возражений и дополнительных

пояснений.

Я перечитала список.

Потом посмотрела на официанта.

— Это шутка?

— Нет, Марина Владимировна.

— А должна быть?

— Не могу сказать.

Я невольно усмехнулась.

— Прекрасно. У вас даже чувство юмора по регламенту.

Он никак не отреагировал.

Я перевернула лист. На обороте находились условия проведения процедуры, сроки и предупреждение о последствиях отказа. Последний абзац был выделен жирным:

Отказ от участия не прекращает рассмотрение зарегистрированного противоречия. Материалы передаются уполномоченным представителям для рассмотрения по имеющимся сведениям.

Я положила лист обратно.

— Так. Давайте по порядку. Кто-нибудь может объяснить, что это за цирк?

— Конечно, — ответил официант.

Он отодвинул соседний стул, придвинул его к нашему столику и сел. Достал из кармана фартука обычную синюю ручку, открыл планшет.

Всё это он проделал с такой деловой сосредоточенностью, словно мы находились не в ресторане, а в переговорной, где

задержали обед на пятнадцать минут.

— Меня зовут Николай. Я ведущий специалист по сопровождению процедуры. Сегодня я отвечаю за регистрацию объяснений и оформление результатов.

Я посмотрела на его фартук.

— Вы официант?

— В вечерней смене — да.

— А в дневной?

— Специалист экспертного бюро.

Я повернулась к Александру.

— Ты это сейчас серьёзно слушаешь?

— Марина, давай сначала выясним, что произошло.

— Я как раз пытаюсь.

Николай открыл планшет.

— По регламенту на проведение процедуры отведено сорок минут. Ваша очередь — сорок седьмая. Время начала зафиксировано.

— А если мы не хотим участвовать?

— Вы вправе отказаться.

— И что тогда?

— Рассмотрение продолжится по имеющимся материалам. Отказ будет зафиксирован, а результат передан уполномоченным представителям.

— Каким представителям?

— Уполномоченным представителям компаний, а также сотрудникам, ответственным за рассмотрение конфликтов

интересов.

Я медленно закрыла папку.

— То есть я могу уйти, но от этого ничего не закончится?

— Совершенно верно.

— Удобно.

— Мы стараемся сделать процедуру максимально понятной.

Я посмотрела на него.

— Получается, пока не очень.

Николай сделал пометку. Даже не попытался улыбнуться.

Я достала телефон.

— Можно фотографировать?

— Да. Фотофиксация материалов, выданных участникам, разрешена.

Я сфотографировала меню, обложку папки, Николая с планшетом. Потом открыла переписку с Вадимом.

«Ты вообще знал, что сегодня будет проверка в ресторане?»

Сообщение ушло. Ответа не было.

— Марина Владимировна, — произнёс Николай, — прежде чем продолжить, я должен объяснить основание процедуры.

— Вот это было бы очень кстати.

Он повернул планшет так, чтобы мы оба могли видеть экран.

— Три недели назад при запросе клиентского портфеля

«Южного потока» вы подали декларацию об отсутствии личных обстоятельств, влияющих на объективность профессиональных решений. Сегодня вы подтвердили её актуальность по форме восемь-Б.

— Да. И?

— При стандартной проверке выявлено противоречие с архивными сведениями.

Я посмотрела на Александра.

Он сидел неподвижно, сцепив пальцы. Теперь я заметила, что он не столько смотрит на Николая, сколько старается не смотреть на меня.

— С какими сведениями?

— В архивном деле имеется информация, требующая уточнения.

— Какая информация?

— Её содержание будет представлено в соответствующем разделе процедуры.

— То есть вы сначала говорите мне, что я что-то скрыла, а потом предлагаете подождать, пока дойдём до нужной страницы?

— Я не говорил, что вы что-то скрыли.

— Но вы уже решили, что есть противоречие.

— Оно действительно есть.

Я откинулась на спинку стула.

— А можно мне поговорить с человеком, который принимает решения? Не с тем, кто записывает ответы, а с тем, кто

вообще придумал всё это?

— Разумеется.

Николай нажал что-то на планшете.

Через минуту к столику подошёл мужчина лет пятидесяти в тёмном костюме. Без фартука, без папки. На лацкане пиджака — небольшой металлический значок с логотипом «Вектора».

— Добрый вечер. Меня зовут Павел Андреевич. Я менеджер площадки. Чем могу помочь?

— Мне хотелось бы понять, почему деловой ужин превратился в допрос.

— Это не допрос, Марина Владимировна. Это процедура уточнения декларации.

— Хорошо. Почему она проходит здесь?

Павел Андреевич чуть наклонил голову, будто вопрос был вполне ожидаемым.

— Формат площадки определяется оператором. Наше экспертное бюро использует ресторанную модель обслуживания: участники получают материалы в формате меню, а каждый этап регистрируется отдельно.

— То есть у вас правда есть кухня?

— Конечно.

— И она начнёт работать, когда мы ответим на вопросы?

— После подтверждения первого пункта.

Я посмотрела на него, ожидая, что он всё-таки улыбнётся.

Не улыбнулся.

— Вы понимаете, насколько это странно выглядит?

— Понимаю. Но наша задача не оценивать впечатление участников, а провести процедуру в соответствии с регламентом.

— А если я откажусь?

— Вы вправе это сделать. Но отказ не отменяет уже зарегистрированное противоречие. Материалы будут переданы уполномоченным представителям для рассмотрения по имеющимся сведениям. Кроме того, компания-работодатель может временно приостановить решение о вашем назначении на портфель до получения результатов проверки.

Вот теперь я перестала улыбаться.

— По какому ещё назначению?

— По портфелю «Южного потока».

— То есть если я сейчас встану и уйду, меня снимут с клиента?

— Я не могу сказать, каким будет решение компании. Но отказ от участия не прекращает проверку. В этом случае она продолжится по имеющимся материалам, а окончательное заключение будет передано уполномоченным представителя

Я почувствовала, как под столом напряглись пальцы. Хотелось достать телефон и снова позвонить Вадиму. Спросить, какого чёрта он мне не объяснил, что происходит. Но я уже представляла его ответ: «Марина, не драматизируй. Разберитесь там».

Вадим умел произносить «не драматизируй» в тот мо-

мент, когда у человека начиналась настоящая драма.

— И последнее, — сказала я. — Кто инициировал эту проверку?

— Основное дело открыто в результате стандартной проверки декларации.

— То есть не Александр?

Павел Андреевич перевёл взгляд на Глебова.

— Александр Сергеевич является участником процедуры.

— Я спросила, он её инициировал?

— Нет. Основное дело зарегистрировано автоматически после сопоставления текущей декларации с архивными данными. Отдельного обращения Александра Сергеевича для его открытия не требовалось.

Я повернулась к Александру.

Он чуть заметно кивнул.

— Я знал, что будет проверка, — сказал он. — Но не знал, что она связана с архивным делом.

— А когда узнал?

— Сегодня. До встречи я получил уведомление о необходимости очного уточнения. Без подробностей.

— И ты решил ничего мне не сказать?

— Я сам не понимал, что именно всплыло.

Я посмотрела на него. Хотелось поверить. И одновременно хотелось спросить, почему он вообще так спокойно сидит напротив, пока мне объясняют, что я могу потерять клиента

из-за какой-то записи двухлетней давности.

— А ты знал, что мы будем проходить это вместе?

— Да. В уведомлении было указано, что требуется совместное уточнение.

— И ты приехал?

— Да.

— И сел ждать?

— Марина, я не знал, что увижу здесь.

В его голосе не было раздражения. Скорее усталость. И что-то ещё, чему я пока не хотела давать название.

Павел Андреевич поправил манжет.

— Если у вас больше нет вопросов, предлагаю перейти к первому пункту. В вашем случае регламент предусматривает совместное уточнение. Нам необходимо получить объяснения обеих сторон и сопоставить их с архивными сведениями.

— Почему нельзя было просто прислать нам документы?

— Потому что в этом случае процедура предусматривает очное подтверждение объяснений.

— А если мы дадим одинаковые ответы?

— Они будут зарегистрированы и сопоставлены с имеющимися материалами.

— А если разные?

— Также будут зарегистрированы.

— У вас на всё есть ответ?

Павел Андреевич на секунду задумался.

— На всё, что предусмотрено регламентом.

Он попрощался и отошёл к соседнему столику.

Я проводила его взглядом.

— Замечательный человек, — сказала я. — Наверное, даже дома разговаривает пунктами.

Александр не улыбнулся.

— Марина, я правда не знал.

— Ты уже говорил.

— И всё равно скажу ещё раз.

Я посмотрела на него.

За три недели переписки я привыкла к его коротким сообщениям, к точным формулировкам, к тому, что он никогда не задавал лишних вопросов. Сейчас же он сидел напротив и, кажется, не знал, что именно мне сказать.

Это почему-то тревожило сильнее, чем Николай с его планшетом.

Я снова открыла папку.

— Ладно. Давайте хотя бы посмотрим, что от нас хотят.

Николай сразу оживился. Не внешне — просто поставил галочку в планшете.

— Первый пункт. Подтверждение факта и даты первоначального контакта.

— Мы познакомились три недели назад, — сказала я. — По электронной почте. До этого я знала компанию Александра как клиента, но лично мы не общались.

— Уточните, пожалуйста, что вы понимаете под личным

контактом.

— Разговор, встреча, переписка не по рабочим вопросам. Что угодно, что не относится к поставкам.

Николай записал ответ.

— Александр Сергеевич?

Глебов посмотрел на меня.

— Я подтверждаю, что профессиональное взаимодействие началось три недели назад.

— А личное? — спросила я.

Он помедлил. Всего секунду. Но я заметила.

— Это зависит от того, что считать началом.

— Очень удобный ответ.

— Я не пытаюсь тебе усложнить жизнь.

— Пока получается, наоборот.

Николай поднял глаза от планшета.

— Прошу уточнить: стороны не согласны в определении даты первоначального контакта?

— Мы согласны, что начали работать три недели назад, — сказала я.

— Вопрос касается не только профессионального взаимодействия.

Я повернулась к нему.

— Тогда задайте вопрос нормально.

Николай не обиделся. Во всяком случае, никак этого не показал.

— Подтверждаете ли вы, что до начала текущего профес-

сионального взаимодействия между вами существовали личные контакты?

В зале стало тихо.

Не совсем, конечно. Где-то негромко играла музыка, звякнула посуда, кто-то попросил принести ещё воды. Но мне вдруг показалось, что всё это происходит очень далеко.

Я посмотрела на Александра.

Он не отвёл глаз.

— Мы знакомы три недели, — повторила я.

Николай сделал отметку.

— Ответ зафиксирован.

— И что теперь?

— Переходим к следующему этапу после подтверждения регистрационных данных.

Он положил передо мной отдельный бланк.

Я опустила взгляд.

В верхней части стояли мои фамилия, имя и отчество. Ниже — данные Александра. Ещё ниже — строка, которую я сначала прочитала машинально, а потом вернулась к ней.

СВЯЗАННЫЕ ЛИЦА.

Я нахмурилась.

— Что это?

Николай положил второй бланк перед Александром.

— Регистрационная категория архивного дела.

Я посмотрела на его лист.

Та же надпись.

Те же слова.

СВЯЗАННЫЕ ЛИЦА.

— Почему это написано на обоих бланках?

Николай спокойно поправил листы, выровняв их по краю стола.

— Потому что вы оба указаны в одном архивном деле.

Я медленно повернулась к Александру.

Он смотрел на бланк перед собой. Его лицо почти не изменилось, но пальцы сжали ручку так сильно, что побелели костяшки.

В ушах мгновенно, противно зашумело, а к щекам прилил тяжёлый, душный жар — тот самый стыдный адреналин, который накрывает, когда тебя ловят на крупной лжи. Мои собственные пальцы на папке в секунду стали чужими и абсолютно ватными.

— Скажи мне, что это ошибка, — произнесла я.

Александр поднял глаза. Медленно, завораживающе расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, словно ему тоже не хватало воздуха, и глухо ответил:

— Я бы очень хотел, Марина.

Матовые часы лежали между нами на скатерти и их секундная стрелка продолжала резать наше время, которое официально поехало куда-то не туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.